

СОЮЗНЫЕ ФУНКЦИИ ЧАСТИЦЫ ТОЛЬКО: ЧАСТИЦА-СОЮЗ VS. ЧАСТИЦА — СОЮЗНЫЙ АНАЛОГ

К. С. Акопян¹

¹ Российско-Армянский (Славянский) университет
0051, Армения, Ереван, ул. Овсепя Эмина, 123
Поступила в редакцию 09.11.2017 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2018-1-3

Рассматриваются союзные функции логико-модальной частицы *только*. Изучение функционирования логико-модальных частиц привело к установлению базовых синтаксических позиций, определяющих функционально-грамматический статус изучаемых лексических единиц: частица — частица-союз — союзный аналог. Степень «союзности», выражаемой частицами, может быть большей или меньшей, следовательно, отношение «частица — союз» может быть представлено как шкалообразное, градуированное. Исследуемая лексема при актуализации в высказывании, в зависимости от синтаксической позиции и от сферы действия, реализует свою первичную функцию логико-модальной частицы либо вторичную союзную функцию, становясь частицей-союзом или союзным аналогом. Был описан способ дифференциации частицы-союза и союзного аналога. Анализ союзных функций лексемы *только* (без обращения к темпоральным значениям) выявляет интересную закономерность: функциональная семантика скрепы у данного слова образуется благодаря синтезу двух (или более) из четырех потенциальных значений — ограничительности, противительности, уступительности и результативности. Были выделены частица-союз *только*₁ с противительно-ограничительным значением и союзные аналоги *только*₂ с противительно-уступительным, *только*₃ с уступительно-результативным и *только*₄ со значением тотального результата, которые, в свою очередь, характеризуются семантическими и конструктивными подтипами.

Ключевые слова: логико-модальные частицы, союзные функции частиц, частица *только*, частица-союз, союзный аналог, ограничительность, противительность, уступительность, результативность.

Изучение функционирования логико-модальных частиц (*только*, *даже*, *хоть*, *просто* и др.) привело нас к необходимости установления трех базовых синтаксических позиций, определяющих функционально-грамматический статус изучаемых лексических единиц: частица — частица-союз — союзный аналог. При актуализации в высказывании названные лексемы — в зависимости от синтаксической позиции и от сферы действия, то есть от типа коррелируемого с ними компонента семантико-синтаксического ядра высказывания: актантов, предиката или самой пропозиции, — реализуют свою первичную функцию логико-модальной частицы либо вторичную союзную функцию, становясь частицами-союзами или союзными аналогами.

Речь идет о специфическом разряде частиц, которые в русской грамматической традиции получили название *модальных* [12; 13; 28]. Со временем частицы типа *даже, только, хоть, еще, уже* и некоторые другие стали называться в лингвистической литературе *логическими* [6; 8; 10; 18; 34–36 и др.], что объясняется довольно просто: часто рассматриваются лишь семантико-синтаксические свойства этих частиц и никак не освещается их богатый прагматический мир (ср.: «...модально-экспрессивные компоненты значения мы оставляем в стороне» [6, с. 14]). В нашем исследовании они названы *логики-модальными*, поскольку и первое, и второе названия обедняли представление о данных частицах, характеризуя их односторонне, указывая либо на сугубо модальные аспекты их функционирования, либо только на вносимые ими смыслы, в то время как одна и та же частица оказывается способной передать несколько коммуникативных линий одновременно: «Они выражают отношение говорящего к слушающему, его установки, отношение к обсуждаемой ситуации, его внутренние предпосылки, его намерения, его эмоции... частицы обладают способностью выражать минимальной ценой весь комплекс прагматических значений»².

Современная лингвистика соотносит их с так называемыми *дискурсивными словами*; под ними «имеются в виду единицы, которые, с одной стороны, обеспечивают связность текста и, с другой стороны, самым непосредственным образом отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего, позицию говорящего: то, как говорящий интерпретирует факты, о которых он сообщает слушающему, как он оценивает их с точки зрения степени важности, правдоподобности, вероятности, и т.п. Именно эти единицы управляют процессом общения: они выражают истинностные и этические оценки, пресуппозиции, мнения, соотносят, сопоставляют и противопоставляют разные утверждения говорящего или говорящих друг с другом и проч.», — считают авторы «Путеводителя по дискурсивным словам русского языка» А.Н. Баранов, В.А. Плунгян и Е.В. Рахилина [5, с. 7] и продолжают: «Такому классу слов в традиционной терминологии нет названия (с некоторой осторожностью можно указать на определенную близость дискурсивной лексики к классу (модальных) частиц)» [там же]. В то же время К.Л. Киселева и Д. Пайар включают данные частицы непосредственно в состав дискурсивной лексики; более того, считают их, наряду с модальными словами, ее ядром [14, с. 7, 8].

Два предварительных замечания.

1. Анализу лексемы *только* посвящено значительное количество исследований, она неоднократно становилась предметом изучения лингвистов: см., например, работы [6–10; 30–32] и, конечно, [33], коллективную монографию [14], диссертацию [29], многочисленные статьи, в том числе наши: [1–3]; следует упомянуть и об одной из самых последних работ [20], в которой лексема *только* (наряду с *только-только* и

² Wierzbicka A. Particles and linguistic relativity // Intern. Rev. of Slavic Linguistics. 1976. Vol. 1, №2/3. P. 327; цит. по: [25, с. 7].

только что) рассматривается в наречном временном значении недавнего прошлого, а также исследуется взаимодействие указанных лексем с результитивной семантикой. В связи с этим отметим, что из сферы нашего рассмотрения «сознательно выведены употребления, связь в которых с временными и аспектуальными значениями» [20, с. 56] очевидна, поскольку они были подробно проанализированы в указанной работе. Кроме того, в нашей статье не рассмотрены темпоральные значения союза непосредственного следования как *только* и его синонимов (см.: [28, § 2983–2988]).

2. В современных исследованиях и *частицы-союзы*, и *союзные аналоги*, а также *союзные сочетания*, *союзные сцепления*, *частицы в роли союзов* и другие наряду с самими *союзами* включаются в общее понятие «скрепы» [17, с. 11–25; 27, с. 37–50; 29], или «коннекторы» [19, с. 113–122; 15, с. 78–115]. Однако в нашей статье мы используем перечисленные понятия, поскольку вводим между ними разграничение, основанное на скалярности отношения «частица – союз».

Итак, в качестве вводящего в работу примера рассмотрим различные типы отношений лексем *только*, *даже* и *хоть* со следующей пропозицией: активный субъект + предикат со значением действия-процесса:

I тип³:

1) *Только он занимается*⁴.

2) *Даже он занимается*.

3) *Хоть он занимается*.

II тип:

4) *Он только занимаётся*.

5) *Он даже занимаётся*.

6) *Он хоть занимаётся*⁵.

III тип:

7) *Только* / [он занимается]⁶.

8) ?*Даже* / [он занимается].

9) *Хоть он (и) занимается, но...*

³ В примерах не указаны случаи инверсии частиц, частотной в разговорной речи, например: I 1а) *Он только занимается* — или более кардинальная инверсия всей синтаксической структуры, когда рема оказывается в привычной позиции — в конце высказывания: I 1б) *Занимается только он*.

⁴ В примерах глагол *заниматься*¹ реализует следующие значения: 2) 'работать (об умственном занятии), учиться' и 3) 'иметь что-нибудь предметом своих занятий, деятельности'; правда, в последнем случае имеет место незаполнение объектной/пропозициональной валентности (значения приведены по [26, с. 213]).

⁵ Частица *хоть* в первой и второй базовых позициях пресуппонирует положительную оценку «хорошо, *хоть...*», которая обычно эксплицирована в высказывании; в русском языке — часто фразой «слава богу, *хоть...*».

⁶ Частица *только* отличается от частицы — союзного аналога *только* и с точки зрения их функционирования в разных интонационных конструкциях (ИК): частица *только* функционирует в ИК-2 с положением центра на гласной ядерного слова (1), в то время как союзный аналог *только* употребляется в ИК-1 обычно с положением центра на гласной предиката (при прямом порядке слов) (7). Учитывая, что основное различие этих интонационных конструкций заключается «в более высоком уровне тона на гласном центра ИК-2 и усилении словесного [акцентного, логического] ударения» [23, с. 9], мы считаем, что функциональная связь данных лексем с указанными интонационными конструкциями очевидна (см. также: [23, с. 109–111]). О различении акцентного выделения, или логического, контрастного ударения, — единицы тексто-коммуникативной и фразового ударения — единицы собственно интонационной см. в [24, с. 7–42].

Семантико-прагматические возможности различных частиц отличаются неодинаковой способностью актуализировать все три функции и коррелировать со всеми указанными компонентами. Среди представленных лексем наиболее «продуктивна» частица *только*; *даже*, как правило, не функционирует как союзный аналог. Что касается слова *хоть*, то в первых двух примерах перед нами логико-модальная частица, а в третьем — подчинительный союз со значением уступки⁷. Как можно заметить, в первых двух позициях частицы соотносятся либо с актантом, либо с предикатом — реализуется функция частицы (для *только* — это ограничительное знание, «которое, безусловно, следует считать основным» [20, с. 56]). В третьей же базовой позиции, когда частица коррелирует с пропозицией в целом, реализуется функция частицы-союза (*только* и *даже*) либо союзного аналога (*только*), причем в последнем случае частица с изменением своего грамматического статуса может изменить и значение (*только* — с недифференцированным противительным значением, аналогичным значению союзов *но*, *однако*). В этой базовой структуре лексема занимает инициальную позицию и нередко отделяется от высказывания паузой, то есть получает самостоятельный фразовый акцент.

Представление всех трех базовых структур в качестве самостоятельных высказываний несколько условно: их реализация в письменном либо устном дискурсе предполагает отнюдь не автономное употребление, а окруженное контекстом. При этом базовые структуры связываются с ним посредством частиц присоединительными отношениями. Тем самым частицы реализуют одновременно вторичную союзную функцию, становясь частицами-союзами либо даже переходя в многочисленный разряд союзных аналогов, выражающих разные виды несобственно-соединительных отношений. По существу, в дискурсе может происходить некий синтез основных смысловых и модальных функций частицы с добавочными союзными функциями, налагаемыми синтаксической структурой текста либо коммуникативной организацией речевого акта. В первой и второй базовых позициях связь, которую устанавливает *только* с окружающим дискурсом, преимущественно смысловая: в зависимости от сферы действия лексемы осуществляется семантическая связь предложений с доминантой либо на актанте, либо на предикате; частица функционирует в качестве пресуппозиционного маркера. В третьей же позиции частица связывает предложение и семантически, и синтаксически, то есть значение частицы осложняется типично союзным значением. И если раньше осуществлялась внутрипропозитивная связь, то теперь связь очевидно межпропозитивная.

Функционально в третьей базовой позиции мы различаем *только*₁ — частицу-союз и *только*₂ — союзный аналог. Дело в том, что степень «союзности», выражаемой частицами, — указание на связь данной пропозиции-ситуации с более широким событийно-дискурсивным контекстом — может быть большей или меньшей. Следовательно, отношение

⁷ В армянском языке на месте *хоть* функционируют различные лексемы: в первой и второй позициях — *գնիւն*, а в третьей — *թէկնուց*, *թէն*, *թէպէտեւ*.

«частица — союз» может быть представлено как шкалообразное, градуированное (ср. сходные наблюдения, без дальнейшего разграничения на частицу-союз и союзный аналог, в [25]). В нашем случае частица-союз *только*₁ менее «союза», чем союзный аналог *только*₂, что подтверждается и семантически, и функционально-синтаксически. Точнее, частица-союз *только* сохраняет в полной мере свои функции частицы, сочетая их с новыми союзными функциями, а союзный аналог *только* сохраняет лишь основную ограничительную функцию частицы, которая уходит вглубь союзной семантики, в частности противительности.

Частица-союз *только*₁, противопоставляя содержанию первой пропозиции содержание второй (это могут быть как части сложного предложения, так и самостоятельные предложения), характеризуется **противительно-ограничительным** значением. Было выделено два подтипа этого значения. В первом случае нарушается стремление предшествующей пропозиции Р к всеобщему, полному охвату действия, состояния и т. д. посредством актуализации не соответствующей ей (точнее, ограничивающей, частично отрицающей ее) второй пропозиции Q:

10) *А в дачной местности стояла тишина, только лаяли от скуки сторожевые псы в писательском поселке...* [Бахыт Кенжеев. Из Книги счастья (2007)].

11) *В первом дворе ничего не было, только пес с кошкой валялись на солнце* [Михаил Гиголашвили. Чертово колесо (2007)].

12) *Пухлые ее ручки мгновенно обвилась вокруг его шеи, голова прижалась к его груди, и все замолкло. Только слышались ее прерывистые всхлипывания* [И. С. Тургенев. Отцы и дети (1862)].

Второй подтип противительно-ограничительного значения предполагает сохранение статус-кво: актуализация Q вводит дополнительную пропозицию, не нарушающую непосредственно предшествующую (часто отрицательную) пропозицию Р, но противопоставленную ей по степени реализации предикативного признака. В этом случае мы можем говорить о противопоставлении гипотетического и реального положения дел: когда на фоне ожидаемой говорящим, но нереализованной пропозиции Р актуализируется меньшая по степени реализации предикативного признака пропозиция Q:

13) *На ее огромные миндалевидные глаза навернулись слезы, губы задрожали, но Наташа ничего не сказала, только молча взяла раскрытую книгу и принялась за решение задачи* [Александра Маринина. Иллюзия греха (1996)].

14) *Ничего не сказала, только молча на меня посмотрела...* [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)].

В принципе, противительно-ограничительное союзное значение *только*₁ есть не что иное, как вариант основного значения частицы *только*, актуализируемого в первой и второй базовых позициях, — с той разницей, что, во-первых, в дискурсе эксплицируется и теневое высказывание, с которым частица устанавливает не только семантические, но и синтаксические отношения; а во-вторых, в третьей базовой позиции мы наблюдаем, за редким исключением, отношение «частица — пропо-

зиция». Хотя иногда (как в примерах (13) и (14)) речь может идти не о сентенциональном, а о внутрифразовом союзном употреблении частицы *только*, объединяющей однородные члены (отношение «частица — предикат»), что несколько не влияет на степень ее «союзности».

Значение **союзного аналога *только*₂** можно определить как **противительно-уступительное**. Тут также выделяется несколько подтипов. Первый, чрезвычайно распространенный подтип, правда, стоящий несколько особняком и объединяющий в себе семантические характеристики противительно-ограничительного и противительно-уступительного значений, можно обозначить как **уступительно-ограничительный**:

15) *Между тем до цели оставалось совсем ничего — может, каких-нибудь полсотни футов. Только эти футы были самыми трудными — как их преодолеть?* [Василь Быков. Камень (2002)].

16) *Вообще-то в этом отношении он был прав, люди понимали его и старались из последних сил. Только силы их катастрофически убывали, а ужасающе трудный путь становился еще более трудным* [Василь Быков. Камень (2002)].

17) *Малый умный, умный, очень даже неглупый, только какой-то склад мысли особенный...* [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)].

Отношения, которые выражаются лексемой *только*₂ в данном значении, описываются следующим образом: 'признавая действительность/истинность обычно (но не всегда) положительной пропозиции Р (зачастую она обозначает не ситуацию, а **оценку**), говорящий указывает на актуализацию противоположной (и в таком случае — нежелательной) пропозиции Q, ограничивающей содержание Р'; причем ограничение напрямую связано с основным значением *только*: 'Р, **единственное**, что не сходится с Р, — это Q'.

Лексема *только*₂ в уступительно-ограничительном значении часто сопровождается частицей *вот*, образуя вместе с ней сращение *вот только*:

18) *Симпатичен, спору нет, вот только ножки у него слабенькие* [Андрей Тимофеев. VolvoS40/V40 (1996—1999) \$9500 (2002)].

19) *Его можно приобрести и сейчас: жесткий материал с высокой износостойкостью, экологически чистый, не выделяет токсичных веществ — всем хорош, вот только стоит около 500 рублей за квадратный метр и возят его под заказ* [Елена Волкова. Тот самый линолеум (2002)].

Уступительно-ограничительное значение лексемы *только*₂, в принципе, находится на стыке между типовыми противительно-ограничительным и противительно-уступительным значениями, а представили мы его как подтип второго значения, исходя из следующих соображений.

Только, помимо самостоятельного употребления в союзной функции, может выступать также в качестве **конкретизатора** при сочинительных союзах недифференцирующего типа: с одной стороны, при союзе *и — и только*, а с другой — при союзах *но, а, да: но только, а только, да только*. В таком случае «собственно союз занимает позицию конкретизируемого компонента (как правило, первую, открывающую), тогда как аналог союза выполняет конкретизирующую функцию и следует за

союзом» [28, §3147]. При этом конкретизатором присоединительного союза *и* выступает **частица только**, поскольку с ее элиминированием в семантической структуре предложения происходят нарушения:

20) *Прокуратор при этом сидел как каменный, и только губы его шевелились чуть-чуть при произнесении слов* [М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита. Ч. 1 (1929–1940)].

21) *Жизнь в самом деле становилась прекрасной, и только глупые волки не могли оценить преимуществ коллективной жизни* [Василь Быков. Лесное счастье (1985–1995)].

20_а) ?*Прокуратор при этом сидел как каменный, и губы его шевелились чуть-чуть при произнесении слов.*

21_а) ?*Жизнь в самом деле становилась прекрасной, и глупые волки не могли оценить преимуществ коллективной жизни.*

Заметим, что конкретизатор в данных структурах может обойтись и без самого присоединительного союза *и*, становясь тем самым **частицей-союзом только**:

20_б) *Прокуратор при этом сидел как каменный, только губы его шевелились чуть-чуть при произнесении слов.*

21_б) *Жизнь в самом деле становилась прекрасной, только глупые волки не могли оценить преимуществ коллективной жизни.*

Конкретизатором противительного союза *но* выступает **частица — союзный аналог только₂** (в данном случае союзы *а* и *да* нас интересуют в меньшей степени, поскольку именно *но* выражает непосредственно значение противительности):

22) *Я сам видел, как он за нею наблюдал и следил, только я ему помешал, и он теперь все ждет, когда я уйду* [Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)].

23) *Набожная, а откровеннее сказать — суеверная, Анфиса так напрямик и заявила очень расстроенной Анне Францевне, что это колдовство и что она прекрасно знает, кто утащила и жильца и милиционера, только к ночи не хочет говорить* [М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита. Ч. 1 (1929–1940)].

24) *Движение кентуриона было небрежно и легко, но связанный мгновенно рухнул наземь, как будто ему подрубили ноги, захлебнулся воздухом, краска сбежала с его лица и глаза обесмыслились* [М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита. Ч. 1 (1929–1940)].

Каждый из трех последних примеров может быть дополнен и заменен одним из возможных вариантов с *но / только / но только*.

Теперь ответ на вопрос, почему мы представили уступительно-ограничительное значение как подтип противительно-уступительного, очевиден: примеры (15–17) могут быть заменены вариантами с союзным аналогом *только₂* в качестве конкретизатора при сочинительном союзе *но*, а не *и* (иначе союз *и* выступит в противительном значении, аналогичном союзу *но*).

Противительно-уступительное значение является, по-видимому, семантически наиболее сложным из числа рассмотренных нами союз-

ных значений *только*. Противительно-уступительное значение — в общих чертах — можно определить как «совмещенность несовместимого»: конструкции с *только*₂ объединяют в себе два компонента квалификации сообщаемого: 1) констатируется **существование, совмещение** двух ситуаций-пропозиций, отношения между ними представляются как соединительные ('и — и'); 2) утверждается **несовместимость** этих ситуаций-пропозиций, между ними устанавливаются отношения взаимоисключения ('либо — либо'). Если существование двух ситуаций-пропозиций фиксируется просто их эксплицированностью в двух частях предложения либо в двух самостоятельных предложениях (есть Р и есть Q), то несовместимость этих ситуаций-пропозиций имеет более сложную природу.

Наличие уступительности в значении союзного аналога предполагает — в качестве семантической пресуппозиции — **условно-каузальную** связь между пропозициями Р и Q: 'если имеет место ситуация типа Р, то **не** имеет место ситуация типа Q'. Причем речь идет не просто о сближении уступительного и условного значений, что вполне традиционно в грамматике⁸, а зачастую о причинной обусловленности двух ситуаций. (Дело в том, что не каждое *если* выражает каузальную связь; так, Е. В. Урысон, выделяя четыре основных типа контекстов с союзом *если*, отмечает и такие, в которых «нет никакой каузальной связи» [37, с. 49].)

Так или иначе противительно-уступительное значение союзного аналога *только*₂ не есть простая комбинация значений отрицания, причины и условия⁹. Семантика несоответствия, противительности подразумевает также обязательную обрамляющую **эпистемическую модальность**, вводящую прагматическую пресуппозицию знания, которая может быть как генерализованной (а), так и индивидуально-конкретной (б), независимо от того, каковы источники формирования этого знания — перцептивное знание, отражающее результат непосредственного наблюдения, либо знание «из вторых рук», либо, наконец, выводное знание: 'обычно (а) или по мнению говорящего либо слушающего (б), если имеет место ситуация типа Р, то не имеет место ситуация типа Q'. Благодаря данной эпистемической пресуппозиции союзный аналог *только*₂ сигнализирует о нарушении некоторой закономерности, естественного порядка вещей:

Р, только Q = 'при **нормальном** (следовательно, **ожидаемом**) развитии событий Р не должен был привести к Q; имеет место **ненормальное** (→ **неожиданное**) Q':

24а) Движение кентуриона было небрежно и легко (Р), *только* связанный мгновенно рухнул наземь, как будто ему подрубили ноги, захлебнулся воздухом, краска сбегала с его лица и глаза обесмыслились (Q).

⁸ Связь условного значения с уступительным прослеживается и в ходе диахронического анализа. Отметим лишь, что вопрос историко-генетической связи условных и уступительных предложений рассмотрен в [38, с. 37] и [11, с. 158–161].

⁹ В лингвистических работах значение уступительности, с логической точки зрения рассматривается как производное от смыслов отрицания и условия [40, с. 105; 4, с. 259] либо отрицания и причины [21, с. 70; 38, с. 45].

25) *И трава похуже здешняя, / И вода не так светла (P), / Только в сердце радость веиная / Даже больше, чем была (Q)* (пример из [25, с. 74]).

В приведенных примерах союзный аналог *только*₂ может быть заменен как на синонимичные противительные союзы *но* и *однако*, так и на уступительные союзы *хотя* и *несмотря на то что* (с возможным применением конверсии). В них мы фиксируем нарушение закономерной каузальной связи двух пропозиций, поэтому данный подтип противительно-уступительного *только*₂ можно обозначить как ***только*₂ аномального следствия** (или ***только*₂ обманутого ожидания**).

Но семантический спектр отношений между P и Q гораздо многообразнее, особенно с учетом возможности обогащения дополнительными оценочными значениями: это может быть и **отрицание истинности характеристики P**:

26) *Многие считают его талантливым писателем, только, по-моему, он заурядный графоман;*

и выражение **противоречивого отношения к P**:

27) – *Славная она, – говорил он, – у ней всегда можно денег достать... Только стерва ужасная...* [Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)];

и довольно своеобразное «**квалификативно-оценочное ограничение**» P:

28) – *Фу, какие вы страшные вещи говорите! – сказал, смеясь, Заметов. – Только все это один разговор, а на деле, наверно, споткнулись бы...* [Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)]

– P характеризуется-оценивается как незначительная. Ср. также: P, *только все это вздор и ерунда*; или: P, *только это (уже) не имеет значения*;

29) *Были споры с клиентами, собрания с работникам. <...> Было все. Только это уже было не так важно...* [Запись в *LiveJournal* (2004)].

В ходе анализа союзного употребления *только* было выявлено еще одно значение – ***только*₃**, которое мы условно обозначили как **уступительно-результативное**. Союзный аналог *только*₃ функционирует, как минимум, в трех конструкциях – разных поверхностных структурах, которые сближаются на уровне глубинной семантики: их объединяет модально-эпистемическая рамка – **незнание** говорящим достоверной причины P, каузирующей Q. Различаются же данные конструкции способом оформления этой модусной информации.

Первая конструкция довольно специфична с синтаксической точки зрения: мы имеем дело с полипредикативным сложным предложением, минимальный состав которого – три предикативные единицы. Первая часть представляет собой две пропозиции, связанные разделительными союзами (*ли ... или (ли), не то ... не то, то ли ... то ли* и др.), выражаю-

щими альтернативно-предположительное значение; она присоединяется посредством союзного аналога *только*₃ (или союзного сочетания *но только*, или союза *но*) с уступительно-результативным значением к третьей предикативной основе:

30) *Оттого ли, что я провел ночь под его кровом, по другой ли какой причине, только* Хорь гораздо ласковее вчерашнего обошелся со мной [И. С. Тургенев. Хорь и Калиныч (1847)].

31) *Узнал ли он его, стыдно ли ему стало чужого человека, только он вдруг повернулся на пятках, по-медвежьи, и, закусив бороду, заковылял в станционную избу* [И. С. Тургенев. Дым (1867)].

32) — *Вот что, Тёркин, на неделю / Можешь с орденом — домой... / Тёркин — понял ли, не понял, / Иль не верит тем словам? / Только дрогнули ладони / Рук, протянутых по швам* [А. Т. Твардовский. Генерал (Василий Тёркин, 15) (1941–1945)].

Суть альтернативно-предположительного значения заключается в том, что пропозиции, обозначенные двумя предикативными основами, мыслятся как предполагаемая причина (реже — условие, как в примере (32)) пропозиции, обозначенной третьей предикативной единицей: P^1 ли, или P^2 , только Q .

В литературе мы обнаружили два наименования указанного типа предложений. Н. Н. Холодов, а вслед за ним и некоторые другие лингвисты называют их альтернативно-противительными [16; 39], хотя между компонентом с разделительными союзами и третьей предикативной единицей наблюдаются семантические отношения не противопоставления, а следствия, результата. Правда, союз *но* стремится сохранить семантику противительности; в подобных случаях довольно часто употребляются два союзных элемента — один в начале конструкции, чтобы вызвать значение противопоставления, а другой — между компонентом с разделительными союзами и третьей пропозицией:

33) *Но то ли вода была не совсем водой, то ли она — не совсем собой, только ничего страшного не произошло...* [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого (Путешествие в седьмую сторону света) (2000)].

34) *Она легко проходила за кулисы, держала себя накоротке с молодыми звездами, и уже отставники видели ее на «Мосфильме» под ручку с проишумевшим актером. Но то ли ей на время приелась актерская среда, то ли киноактер уехал на очередные съемки, только* Зина, встретив меня во дворе, долго не отпускала, восхищалась моим мужественным видом и просила непременно зайти в гости [О. Михайлов] (пример заимствован из [22, с. 26]).

Поиски Е. В. Макаренко ответа на вопрос о названии исследуемых предложений не увенчался успехом: «Эта особая семантика данных предложений еще не получила четкого соответствующего наименования» [22, с. 27]. При этом автор не соглашается и с РГ-1980, где эти предложения названы альтернативно-уступительными. «Известно, что уступительные отношения связаны с выражением причины, вопреки которой совершается действие, а в данных предложениях именно одна из предполагаемых причин может быть реальной причиной того, о чем

сообщается во второй части» [22, с. 27]. Тем не менее мы считаем, что союзный аналог *только*₃, наряду с результативным значением, выражает и уступительное. Просто уступительность смещается в сферу эпистемической модальности: **‘несмотря на то, что говорящий достоверно не знает (или — обобщенно — неизвестно) истинной причины: P¹, либо P², либо Pⁿ, — каузируется Q’.**

Именно этот скрытый смысловой блок эксплицируется в следующей трехкомпонентной синтаксической конструкции, в которой также функционирует *только*₃:

35) *Никому не известно, какая тут мысль овладела Иваном, но только, прежде чем выбежать на черный ход, он присвоил одну из этих свечей, а также и бумажную иконку* [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита. Ч. 1 (1929–1940)].

36) *Не знаю, то ли оттого, что ворота на крыльце не были заперты, то ли мы с Евгенией слишком заговорились, но только вдруг дверь подалась назад, и я увидел ее...* [Федор Абрамов. Деревянные кони (1969)].

37) *Так ли, нет — сказать, — не знаю, / Только мне от мысли той / Сторона моя родная / Показалась сиротой...* [А. Т. Твардовский. О герое (Василий Тёркин, 14) (1941–1945)].

Рассмотренные трехкомпонентные конструкции могут быть сведены к стандартной — двухкомпонентной — структуре посредством введения в высказывание модального элемента с персуазивным значением сомнения говорящего в причине, каузирующей Q:

38) *Опять-таки виновата была, вероятно, кровь, прилившая к вискам и затучавшая в них, только у прокуратора что-то случилось со зрением* [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита. Ч. 1 (1929–1940)].

Завершая анализ рассмотренных нами союзных функций, выражаемых *только*, укажем также на союзный аналог *только*₄ со значением **абсолютного, тотального результата**, с двумя противоположными подтипами:

а) с **интенсивно-результативным значением**:

39) *Должно быть, убитые. Руки, ноги раскинуты. Остальных не видно. Пулемет сечет прямо по брустверу, только пыль клубится. Дело дрянь...* [Виктор Некрасов. В окопах Сталинграда (1946)];

б) с **лимитативно-результативным (или ограничительно-результативным) значением**:

40) *Он думает про себя: «Ведь знает же Краснов, что у меня в нотате ноль... что же спрашивает? — только мучит!»* [Н. Г. Помяловский. Очерки бурсы (1862)].

Таким образом, анализ вторичных союзных функций лексемы *только* (без обращения к темпоральным значениям) выявил интересную закономерность: функциональная семантика скрепы у данного слова образуется благодаря синтезу двух (или более) из четырех потенциальных значений — ограничительности, противительности, уступительности и результативности. В работе были выделены частица-союз

*только*₁ с противительного-ограничительным значением и союзные аналоги *только*₂ с противительного-уступительным, *только*₃ с уступительно-результативным и *только*₄ со значением тотального результата, которые, в свою очередь, характеризуются семантическими и конструктивными подтипами.

Список литературы

1. Акопян К.С. Семантико-прагматический мир логико-модальной частицы *только* // Русский язык в Армении. 2004. №1–2. С. 60–66.
2. Акопян К.С. К вопросу о союзных функциях частицы *только* // Русский язык в Армении. 2008. №6. С. 17–28.
3. Акопян К.С. Семантико-прагматические пресуппозиции логико-модальных частиц (на примере анализа частицы *только*) // Русский язык на перекрестке эпох: традиции и инновации в русистике : сб. науч. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. (22–25 сентября 2015). Ереван, 2016. С. 50–58.
4. Апресян В.Ю. Уступительность: языковые связи. // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура : сб. ст. / отв. ред. Ю.Д. Апресян. М., 2004. С. 255–266.
5. Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993.
6. Богуславский И.М. О соотношении семантических и синтаксических свойств некоторых ограничительных частиц в русском языке. АКД. М., 1979.
7. Богуславский И.М. Семантика частицы *только* // Семиотика и информатика. Вып. 14. М., 1980. С. 134–158.
8. Богуславский И.М. Исследования по синтаксической семантике. М., 1985.
9. Богуславский И.М. О некоторых типах семантического взаимодействия между словами со значением 'достаточно' и частицами // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989. С. 197–215.
10. Богуславский И.М. Сфера действия лексических единиц. М., 1996.
11. Брутян Л.Г. Анализ языковых выражений импликации. Ереван, 1992.
12. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 53–87.
13. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
14. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. М., 1998.
15. Иорданская Л.Н., Мельчук И.А. Текстовые коннекторы в разных языках: французское ENEFFET и русское В САМОМ ДЕЛЕ // Семиотика и информатика. Вып. 37. М., 2002. С. 78–115.
16. Ишханова Д.И. Противительные отношения на различных ярусах синтаксиса : дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2007.
17. Колосова Т.А., Черемисина М.И. Некоторые закономерности пополнения фонда скреп // Служебные слова : межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 1987. С. 11–25.
18. Кривоносов А.Т. Система «взаимопроницаемости» неизменяемых классов слов (на материале немецкого языка) // Вопросы языкознания (далее – ВЯ). 1975. №5. С. 92–103.
19. Левецкий Ю.А. О маркерах и коннекторах // Семантика служебных слов : межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 1982. С. 113–122.
20. Летуший А.Б. Русские наречия со значением времени *только*, *только-только*, *только что*: значение недавнего прошлого и результативное значение // ВЯ. 2017. №1. С. 53–73.

21. Ляпон М. В. Структура отношения и ситуативные условия его реализации в сложном предложении // Русский язык: текст как целое и компоненты текста. (Виноградовские чтения XI). М., 1982. С. 63–77.
22. Макаренко Е. В. О значении и функции разделительных и противительных союзов в полипредикативном сложном предложении // Неполнозначные слова как средства связи : межвуз. сб. науч. тр. Ставрополь, 1985. С. 24–28.
23. Муханов И. Л. Пособие по интонации (для филологов старших курсов) : учеб. пособ. М., 1983.
24. Николаева Т. М. Семантика акцентного выделения. М., 1982.
25. Николаева Т. М. Функции частиц в высказывании. М., 1985.
26. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2005.
27. Прияткина А. Ф. Союзная конструкция и сложное предложение // Служебные слова : межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 1987. С. 37–50.
28. Русская грамматика : в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980.
29. Селина Н. П. Структурно-семантические и функциональные особенности слова *только* в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2003.
30. Стародумова Е. А. Функции ограничительного слова *только* в современном русском языке // Синтаксические связи в русском языке. Владивосток, 1974. С. 32–52.
31. Стародумова Е. А. Акцентирующие частицы в современном русском литературном языке. АКД. Л., 1977.
32. Стародумова Е. А. Акцентирующие частицы в русском языке. Владивосток, 1988.
33. Стародумова Е. А. Частицы русского языка (разноаспектное описание). Владивосток, 2002.
34. Торопова Н. А. Роль логических частиц в формировании смысла предложения // Коммуникативно-прагматические и семантические функции речевых единств. Калинин, 1980. С. 126–135.
35. Торопова Н. А. Семантика и функции логических частиц (на материале немецкого языка). Саратов, 1980.
36. Торопова Н. А. Предикатные актанты немецких логических частиц // Типология конструкций с предикатными актантами. Л., 1985. С. 65–68.
37. Урысон Е. В. Союз *ЕСЛИ* и семантические примитивы // ВЯ. 2001. №4. С. 45–65.
38. Урысон Е. В. Союз *ХОТЯ* сквозь призму семантических примитивов // ВЯ. 2002. №6. С. 35–54.
39. Холодов Н. Н. Сложносочиненные предложения в современном русском языке : учеб. пособ. Смоленск, 1975.
40. Храковский В. С. Универсальные уступительные конструкции // ВЯ. 1999. №1. С. 103–122.

Об авторе

Акопян Карен Суренович, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и профессиональной коммуникации, Российско-Армянский (Славянский) университет, Армения.

E-mail: karen.hakobyan@rau.am

Для цитирования:

Акопян К. С. Союзные функции частицы *только*: частица-союз vs. частица — союзный аналог // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, №1. С. 29–44. doi: 10.5922/2225-5346-2018-1-3.

THE CONJUNCTION FUNCTIONS OF THE PARTICLE *TOLKO*: A CONJUNCTION PARTICLE VS. A CONJUNCTION ANALOGUE

K. S. Akopyan¹

¹ Russian-Armenian (Slavonic) University
123, Hovsep Emin St, Yerevan, 0051, Armenia
Submitted on December 09, 2017
doi: 10.5922/2225-5346-2018-1-3

This article considers the conjunction functions of the logical and modal particle tolko. A study into the functioning of logical and modal particles led the author to identify the basic syntactic positions that determine the functional and grammatical status of the lexical units studied: the particle, the conjunction particle, and the conjunction analogue. The conjunction behaviour of a particle can be manifested to a greater or lesser degree. The particle/conjunction relation forms a gradient. In an utterance, the lexeme studied fulfils either the primary function of a logical and modal particle or the secondary one of a conjunction. In the latter case, the lexeme becomes a conjunction particle or a conjunction analogue. The author proposes a new method for differentiating between a conjunction particle and a conjunction conjunctive. The analysis of the functions of the lexeme tolko (without considering the temporal meanings) revealed an interesting pattern. The lexeme's functional semantics of the connector stems from four potential meanings – restrictiveness, adversativeness, concessiveness, and resultativeness. The author identifies the following variants of the lexeme tolko – an adversative-restrictive conjunction particle, an adversative-concessive conjunction analogue, a concessive-resultative conjunction analogue, and a conjunction analogue conveying the meaning of the total result. All these variants have semantic and constructive subtypes.

Key words: logical-modal particles, conjunction functions of particles, particle *tolko*, conjunction particle, conjunction analogue, restrictiveness, adversativeness, concessiveness, resultativeness.

References

1. Akopyan, K.S., 2004. The semantic-pragmatic world of the logical-modal particle only. *Russkii yazyk v Armenii* [Russian language in Armenia], 1–2, pp. 60–66.
2. Akopyan, K.S., 2008. To the question of union functions of a particle only. *Russkii yazyk v Armenii* [Russian language in Armenia], 6, pp. 17–28.
3. Akopyan, K.S., 2016. Semantic-pragmatic presuppositions of logic-modal particles (by the example of particle only analysis). In: *Russkii yazyk na perekrestke epokh: traditsii i innovatsii v rusistike. II Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya (22–25 sentyabrya 2015). Sbornik nauchnykh statei* [Russian language at the crossroads of the epochs: traditions and innovations in Russian studies. II International Scientific and Practical Conference (22–25 September 2015). Collection of scientific researches]. Yerevan. pp. 50–58.
4. Apresyan, V. Yu., 2004. Pliability: language relations. In: Yu. D. Apresyan, ed. *Sokrovennye smysly: Slovo. Tekst. Kul'tura*. Sb. statei v chest' N. D. Arutyunovoi [The hidden meanings: Word. Text. Culture. Collection of articles in honor of N. D. Arutyunova]. Moscow. pp. 255–266.
5. Baranov, A. N., Plungyan, V. A., Rakhilina, E. V., 1993. *Guide to the discursive words of the Russian language* [Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo yazyka]. Moscow.
6. Boguslavskii, I. M., 1979. *O sootnoshenii semanticheskikh i sintaksicheskikh svoistv nekotorykh ogranichitel'nykh chastits v russkom yazyke*. AKD [On the relationship between the semantic and syntactic properties of certain limiting particles in the Russian language. AKD]. Moscow.

7. Boguslavskii, I.M., 1980. Semantics of a particle only. *Semiotika i informatika* [Semiotics and informatics], 14, pp. 134–158.
8. Boguslavskii, I.M., 1985. *Issledovaniya po sintaksicheskoi semantike* [Studies on syntactic semantics]. Moscow.
9. Boguslavskii, I.M., 1989. About some types of semantic interaction between words with meaning 'enough' and particles. In: *Logicheskii analiz yazyka. «Problemy intensional'nykh i pragmaticheskikh kontekstov»* [Logical analysis of the language. "Problems of Intensional and Pragmatic Contexts"]. Moscow, pp. 197–215.
10. Boguslavskii, I.M., 1996. *Sfera deistviya leksicheskikh edinit* [Scope of lexical units action]. Moscow.
11. Brutyan, L.G., 1992. *Analiz yazykovykh vyrazhenii implikatsii* [The analysis of language expressions of implication]. Erevan.
12. Vinogradov, V.V., 1975. On the category of modality and modal words in Russian language. In: V.V. Vinogradov. *Izbrannye trudy. Issledovaniya po russkoi grammatike* [Selected works. Studies in Russian grammar]. Moscow. pp. 53–87.
13. Shvedova, N. Yu., eds., 1970. *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the modern Russian literary language]. Moscow.
14. Kiseleva, K., D. Paiar, D., 1998. *Diskursivnye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya* [Discourse words of the Russian language: experience of contextual-semantic description]. Moscow.
15. Iordanskaya, L.N., Mel'chuk, I.A., 2002. Text connectors in different languages: French ENEFFET and Russian INDEED. *Semiotika i informatika* [Semiotics and informatics], 37, pp. 78–115.
16. Ishkhanova, D.I., 2007. *Protivitel'nye otnosheniya na razlichnykh yarusakh sintaksisa* [Adversative relationships on different tiers of syntax]. Cand. philol. sci. diss. thesis. Stavropol.
17. Kolosova, T.A., Cheremisina, M.I., 1987. Some regularities of replenishment of bracings. In: *Sluzhebnye slova. Mezhdouzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Service words. Interuniversity collection of scientific works]. Novosibirsk, pp. 11–25.
18. Krivonosov, A.T., 1975. System of "inter-permeability" of immutable classes of words. (On the material of the German language). *Voprosy yazykoznaniya* [Issues of linguistics], 5, pp. 92–103.
19. Levitskii, Yu. A., 1982. On markers and connectors. In: *Semantika sluzhebnykh slov. Mezhdouzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Semantics of service words. Interuniversity collection of scientific works]. Perm. pp. 113–122.
20. Letuchii, A.B., 2017. Russian adverbs with the meaning of time only, only just, just that: the meaning of the recent past and the resultant meaning. *Voprosy yazykoznaniya* [Issues of linguistics], 1, pp. 53–73.
21. Lyapon, M.V., 1982. The structure of the relationship and the situational conditions for its implementation in a complex sentence. In: *Russkii yazyk: Tekst kak tseloe i komponenty teksta. (Vinogradovskie chteniya XI)* [Russian language: Text as a whole and text components. (Vinogradov readings XI)]. Moscow. pp. 63–77.
22. Makarenko, E.V. On the meaning and function of separative and adversative unions in a polypredicative complex sentence. In: *Nepolnoznachnye slova kak sredstva svyazi. Mezhdouzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Incomplete words as a means of communication. Interuniversity collection of scientific works]. Stavropol, pp. 24–28.
23. Mukhanov, I.L., 1983. *Posobie po intonatsii (dlya filologov starshikh kursov)* [The manual on intonation (for the philologists of senior courses)]. Moscow.
24. Nikolaeva, T.M., 1982. *Semantika aktsentnogo vydeleniya* [Semantics of accentuation]. Moscow.
25. Nikolaeva, T.M., 1985. *Funktsii chastits v vyskazyvanii* [Particle functions in utterance]. Moscow.
26. Ozhegov, S.I., Shvedova, N. Yu., eds., 2005. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow.

27. Priyatkina, A.F., 1987. Union construction and a complex sentence. In: *Sluzhebnye slova. Mezhdvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Service words. Interuniversity collection of scientific works]. Novosibirsk. pp. 37–50.
28. Shvedova, N. Yu., ed., 1980. *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Moscow.
29. Selina, N.P., 2003. *Strukturno-semanticheskie i funktsional'nye osobennosti slova tol'ko v sovremennom russkom yazyke* [Strukturno-semanticheskie i funktsional'nye osobennosti slova tol'ko v sovremennom russkom yazyke]. Cand. philol. sci. diss. thesis. Stavropol.
30. Starodumova, E. A., 1974. Functions of the restrictive word only in modern Russian. In: *Sintaksicheskie svyazi v russkom yazyke* [Syntactic connections in the Russian language]. Vladivostok. pp. 32–52.
31. Starodumova, E. A., 1977. *Aktsentiruyushchie chastitsy v sovremennom rus-skoy literaturnom yazyke. AKD* [Accenting particles in the modern Russian literary language. AKD]. Leningrad.
32. Starodumova, E. A., 1988. *Aktsentiruyushchie chastitsy v russkom yazyke* [Accenting particles in the Russian language]. Vladivostok.
33. Starodumova, E. A., 2002. *Chastitsy russkogo yazyka (raznoaspektnoe opisanie)* [Particles of the Russian language (diversified description)]. Vladivostok.
34. Toropova, N. A., 1980. The role of logical particles in the formation of the meaning of the sentence. In: *Kommunikativno-pragmaticheskie i semanticheskie funktsii rechevykh edinstv* [Communicative-pragmatic and semantic functions of speech unities]. Kaliningrad. pp. 126–135.
35. Toropova, N. A., 1980. *Semantika i funktsii logicheskikh chastits (na materiale nemetskogo yazyka)* [Semantics and functions of logical particles (based on the German language)]. Saratov.
36. Toropova, N. A., 1985. Predicate logic actants German particles. In: *Tipologiya konstruktsii s predikatnymi aktantami* [Typology of constructions with predicate actants]. Leningrad. pp. 65–68.
37. Uryson, E. V., 2001. Union IF and semantic primitives. *Voprosy yazykoznaniiya* [Issues of linguistics], 4, pp. 45–65.
38. Uryson, E. V., 2002. Union THOUGH through the prism of semantic primitives. *Voprosy yazykoznaniiya* [Issues of linguistics], 6, pp. 35–54.
39. Kholodov, N. N., 1975. *Slozhnosochinennye predlozheniya v sovremennom russkom yazyke* [Complex sentences in the modern Russian language]. Smolensk.
40. Khrakovskii, V. S., 1999. Universal concessive constructions. *Voprosy yazykoznaniiya* [Issues of linguistics], 1, pp. 103–122.

The author

Dr Karen S. Akopyan, Associate Professor, Head of the Department of Russian Language and Professional Communication, Russian-Armenian (Slavonic) University, Armenia.

E-mail: karen.hakobyan@rau.am

To cite this article:

Akopyan K.S. 2018, The Conjunction Functions of the Particle *tolko*: A Conjunction Particle vs. a Conjunction Analogue, *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 9, no. 1, p. 29–44. doi: 10.5922/2225-5346-2018-1-3.